

Раздел II. ФИЛОСОФИЯ

Научная статья

УДК 378.014.52 (470+571)

Для цитирования: Штурбабин С.А., прот., Орлов М.О., Петрова К.Ю. Теологическое знание в светском образовательном пространстве: проблемы и пути развития диалога // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2022. № 2 (17). С. 59–80.

DOI: 10.56621/27825884_2022_17_59

Протоиерей Сергей Анатольевич Штурбабин,

кандидат богословия,
старший преподаватель кафедры Церковной истории,
старший преподаватель кафедры богословия,
ректор Саратовской православной духовной семинарии,
Российская Федерация, 410028, г. Саратов,
ул. Мичурина, 92
rectorsarpds@yandex.ru

Орлов Михаил Олегович,

доктор философских наук, доцент,
старший преподаватель кафедры богословия
Саратовской православной духовной семинарии,
Российская Федерация, 410028, г. Саратов,
ул. Мичурина, 92
заведующий кафедрой теологии и религиоведения,
декан философского факультета
Саратовского национального исследовательского
государственного университета имени Н.Г.
Чернышевского
Российская Федерация, 410028, г. Саратов, ул. Вольская,
10 А
orok-saratov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7312-5881

Петрова Кристина Юрьевна,

младший научный сотрудник,
преподаватель кафедры богословия
Саратовской православной духовной семинарии,
Российская Федерация, 410028, г. Саратов,
ул. Мичурина, 92
petra-velikaya@ya.ru
ORCID: 0000-0003-4529-6709

Теологическое знание в светском образовательном пространстве: проблемы и пути развития диалога

**Протоиерей С.А. ШТУРБАБИН, М.О. ОРЛОВ,
К.Ю. ПЕТРОВА**

Аннотация: Настоящее исследование посвящено поиску и анализу основных противоречий между представителями теологического знания и теми представителями современного российского научного сообщества, которые полагают присутствие теологии в отечественном

научно-образовательном пространстве неприемлемым. Авторами выявлены пять основных проблемных вопросов (вопрос о понимании светскости научно-образовательного пространства, вопросы о предмете, методах, гуманитарном характере и назначении теологии) и предложены пути решения обнаруженных противоречий, могущие способствовать налаживанию продуктивной коммуникации между теологами и другими представителями научного сообщества.

Ключевые слова: теология, религия, светское общество, свобода совести, дискуссионные практики.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44127 «Взаимодействие светского и религиозного мировоззрения как теологическая проблема: социальные риски, вызовы цифровизации и основания гражданского диалога».

Несмотря на то что теология как отрасль знания в России за последние десятилетия прочно вошла в систему высшего образования, став с 2015 года одной из специальностей ВАК, а с 2021 года — группой, состоящей из трех специальностей ВАК¹, в российском научном сообществе не утихают споры о возможности существования теологии как науки. Справедливости ради следует отметить, что далеко не все представители научного сообщества отрицают возможность существования научной теологии², однако та его часть (преимущественно представленная учеными-естественниками), которая ведет полемику с присутствием теологии в структуре отечественной науки, наиболее заметно заявляет о своей позиции³.

¹ См.: Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093: Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24.02.2021 № 118 // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104060043> (дата обращения: 13.04.2022).

² См., напр.: Письмо других академиков. Заявление представителей РАН в связи с «письмом десяти» // Интерфакс. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=documents&div=681> (дата обращения: 01.08.2018). Загл. с экрана.

³ См., напр.: Первая публикация письма академиков // «Новая газета», приложение «Кентавр». 2007. 22 июля; Резолюция 1580 (2007) Парламентской Ассамблеи Совета Европы // Здравый смысл. 2008. № 2 (47). [Электронный ресурс]. URL: <https://razumru.ru/humanism/journal/47/resolution.htm> (дата обращения: 15.01.2022). Загл. с экрана; Пять крестов на могилу теологии: Александр Панчин о том, почему она не может считаться наукой // Indicator. [Электронный ресурс]. URL: <https://indicator.ru/humanitarian-science/tezisy-protiv-teologii-panchin.htm> (дата обращения: 15.01.2022). Загл. с экрана.

Анализ основных дискурсивных линий вокруг вопроса «научности теологии» позволяет выделить пять основных проблем, которые обычно используются как контраргумент против присутствия теологии в научно-образовательном пространстве. Постараемся проанализировать их сущность и наметить способы выработки консенсусного их разрешения в рамках стремления к научной рациональности, плодотворному научно-теологическому диалогу и стабильным общественным отношениям.

Первый проблемный вопрос: о светскости образовательного и научного пространства. Позиция ряда антирелигиозно настроенных представителей естественно-научного знания (да и антирелигиозной общественности в целом) заключается в склонности понимать концепт светскости как табу на любое говорение о религии в научном пространстве в дискурсе, отличном от атеистического. В то же время с позиции теологического дискурса понятие светскости не тождественно понятию безрелигиозности или атеистичности, что, по мнению теологов, позволяет внедрять в систему государственного образования теологические дисциплины.

Логика исторического развития концепта светскости на первоначальном этапе его развития действительно противопоставляла светский мир миру религиозному. Однако такой исторический подход был обусловлен отсутствием изначального принципа отделенности религии от государства и предполагал не атеизацию общества, а лишь отделение секулярного права от права религиозного.

Если обратиться к пониманию концепта светскости в таком виде, в каком данное понятие закреплено в нормативных документах РФ, светскость означает лишь то, что «никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»⁴. Из этого пояснения к определению России как светского государства никоим образом не следует необходимости вытеснения религиозных организаций из научно-образовательной сферы и общественно-культурной жизни в целом.

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ). Ст. 14. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 31.10.2020).

Аналогичное понимание светскости мы находим и в социальном устройстве других стран, провозглашающих себя светскими, что подтверждается исследователями в области государственно-конфессиональных отношений. Так, например, французский исследователь Ж. Боберо подчеркивает: «Светскость предполагает не только свободу вероисповедания в широком понимании (включающем свободу отправления религиозного культа и проявления религиозных убеждений), но и свободу мысли, которая означает одинаковое отношение к религиозной вере и неверию, а также обеспечение доступа к знаниям, позволяющим критически относиться к различного рода догматическим и целостным идеологическим системам»⁵.

Большинством исследователей государственно-конфессиональных отношений секуляризм определяется как политико-правовой принцип, заключающийся в принципиальном дистанцировании государства по отношению к религии на уровне его целей и институтов⁶, что, в свою очередь, основывается на более широкой идее нейтральности государства применительно к любым мировоззренческим доктринам⁷. Также исследователями подчеркивается, что «неверно полагать, будто секуляризм тождествен самоустранению государства от религии и всего того, что с ней связано»⁸. Показательно, что «даже в случае Франции, где принцип отделения государства от Церкви (лаицизм) принял особенно жесткую форму, нельзя говорить о полной приватизации религии»⁹.

Таким образом, мы можем наблюдать, что в этом отношении понимание принципа секуляризма, заложенное в Конституцию РФ, вполне совпадает с позицией подавляющего большинства исследователей.

⁵ Боберо Ж. Светскость: французская исключительность или универсальная ценность? Цит. по: Понкин И. В. Правовые основы светскости государства и образования. М., 2003. С. 38.

⁶ See: Bhargava R. Rehabilitating Secularism. Rethinking Secularism. Oxford—NY, 2011. pp. 92—113.

⁷ See: Taylor C., Maclure J. Printsipy sekulyarizma [Principles of Secularism] // Neprikosnovennyj zapas, 2013, no 4(90). [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2013/4/9m-pr.html#_ftnref4 (дата обращения 25.02.2022).

⁸ Малахов В.С., Летняков Д.Э. Российское государство в конфессиональной сфере, или Национальные особенности секуляризма // Мир России. 2019. Т. 28. № 4. С. 51. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-4-49-67

⁹ Killian K. The French Ban on Religious Symbolism in Schools and the Views of Maghreb Women on Wearing Hijabs. Цит. по: Малахов В.С., Летняков Д.Э. Указ. соч. // Мир России. 2019. Т. 28. № 4. С. 51. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-4-49-67

Представители религиозного сообщества, говоря о принципе светскости, как правило, придерживаются той же позиции. Так, например, митрополит Иларион (Алфеев) формулирует позицию по отношению к пониманию секулярности следующим образом: «Когда мы говорим о секулярном мире и вообще о секуляризме, следует различать секуляризм, который характерен для современного светского общества, где Церковь отделена от государства, и воинствующий секуляризм, который по своей сути является антицерковным и антихристианским явлением. Именно воинствующий секуляризм пытается изгнать христианство из общественной жизни и настаивает на том, что религия должна быть частным делом отдельных индивидуумов. <...> Однако воинствующий секуляризм не может восприниматься как общий знаменатель для всех религиозных течений и представителей разных мировоззрений. Таким общим знаменателем может быть только секуляризм, который вытекает из принципа отделения Церкви от государства, но не предполагает, что этот принцип будет означать вытеснение Церкви из общественного пространства»¹⁰.

Анализируя причины складывания превратного понимания концепта секулярности в нашей стране, следует отметить, что во многом такое положение дел обусловлено десятилетиями борьбы с религией в советское время, при котором формально провозглашалась свобода совести. При этом характерно, что формальный принцип невмешательства государства в дела религии в советское время не соблюдался: как отмечает протоиерей Д. Н. Полохов, «советская “свобода совести” распространялась... и на внутреннюю каноническую и богослужебную жизнь Церкви»¹¹, что находило свое отражение в борьбе с колокольным звоном, изъятии богослужебной утвари, попытках искусственного разложения церковной иерархии и других антицерковных кампаниях большевиков. Все эти действия были направлены на те аспекты деятельности Церкви, которые, согласно формально декларируемому принципу свободы совести, должны находиться вне

¹⁰ Выступление митрополита Волоколамского Илариона во Всероссийской библиотеке иностранной литературы // Патриархия.ру: Официальный сайт Московского Патриархата. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/2146291.html> (дата обращения: 25.02.2022). Загл. с экрана.

¹¹ Полохов Д.Н., прот. Об альтернативной атеистической хронологии // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2021. № 15. С. 26.

поля регулирования государственной власти. Таким образом, можно заключить, что в советское время концепт светскости на территории Советского Союза складывался не как правовой, а как идеологический (причем ярко антирелигиозный) концепт. До определенной степени закономерно, что данный исторический контекст определил восприятие секулярности на постсоветском пространстве именно в векторе полного запрета на участие религиозных организаций в общественной и политической жизни, что фактически противоречит как общеисторически сложившейся практике понимания секулярности, так и правовым принципам.

Таким образом, можно отметить, что позиция понимания светскости, характерная для подавляющего большинства исследователей государственно-конфессиональных отношений, позиция, закрепленная в Конституции РФ, и позиция представителей Русской Православной Церкви в данном случае практически совпадает. Попытка же прочтения светскости как отсутствия религии в общественно-культурной жизни связана с длительным идеологическим воздействием условий советского времени и не только противоречит правовому и научному пониманию светскости, но и явно не способствует развитию научно-теологического диалога.

На компромиссном уровне светскость может быть понята как уравнивание религиозного и нерелигиозного мировоззрения перед законом и обществом, но никак не как радикальная антирелигиозность и запрет на любое говорение о религии, кроме атеистического. Такое понимание концепта светскости в образовательной системе снимает проблему преподавания теологии в государственных ВУЗах как нарушения принципа светскости образования. Однако при этом для сохранения принципа светскости в образовании личная религиозная позиция и/или принадлежность как учащихся, так и преподавателей к той или иной конфессии никоим образом не должна влиять на характер образовательных отношений.

Второй проблемный вопрос: о предмете теологии. С одной стороны, эта проблема укоренена в превратной попытке сведения вопроса о предмете теологии к вопросу о материализме. Это понимание базируется на доминантности материалистического мировоззрения в российских естественных науках, сохраняющейся вплоть до сегодняш-

него дня, что отчасти обусловлено советским прошлым большинства заслуженных на сегодняшний день представителей науки. Атеистически настроенная часть научного сообщества нередко стремится истолковать теологию как отрасль знания, оперирующую предметом веры, что прослеживается в дискуссии об опасности «подменить науку верованием»¹².

Вульгарно-материалистическое истолкование проблемы предмета теологии, очевидно, не сможет стать серьезным аргументом антицерковной общественности. Логика развития современной науки показывает: то, что мы не можем потрогать в буквальном смысле этого слова, тоже может выступать в качестве объекта и предмета исследования. Это хорошо прослеживается на примере сложных отраслей физики — таких, как теория струн или квантовая неопределенность, а также в активно развивающемся блоке цифровых технологий.

Однако определенно не в пользу научной самостоятельности теологии как науки свидетельствует проблема «двойственности теологии»: как среди самих представителей теологии, так и среди представителей научного сообщества в целом на сегодняшний день нет единого понимания предмета теологии.

В сущности, современные теологи, говоря о теологии, могут иметь в виду две различные области знания: так, Ж.-К. Ларше выделяет «мистическую теологию» и «естественную теологию»¹³, К. М. Антонов также различает «теологию как вероучение конкретной церковной общины (на этом уровне к теологии не применяются научные требования) и теологию как совокупность образовательных структур и научных исследований (и именно в таком виде теология и вошла в научное поле)»¹⁴. Православная энциклопедия ставит знак равенства между теологией и богословием и при этом дает двойственное определение богословию, понимая его как: «1) практику богообщения, подразумевающую веру и молитвенное устремление к Богу как к предмету веры, упования и любви, и деятельность в соответствии с верой. В этом смысле Б. может пониматься как

¹² Резолюция 1580 (2007)...

¹³ См.: Ларше Ж.-К. Что такое богословие? // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. 2012. Вып. 3(41). С. 117–131.

¹⁴ Антонов К.М. Теология как научная специальность // Вопросы философии. 2012. Вып. 6. С. 73–85.

синоним молитвы, созерцания, духовной жизни; 2) дискурсивную практику усвоения человеком систематизации и изложения вечных богооткровенных истин, церковного опыта веры и богообщения (Б. как наука)»¹⁵.

Таким образом, на сегодняшний день мы имеем двойственную ситуацию, когда, говоря о теологии в зависимости от контекста, как исследователи, так и общественные спикеры могут иметь в виду теологию и как практику опытного богопостижения (что не может быть предметом науки в строгом смысле), и как теоретическую отрасль знаний, предметом которой является не Бог как таковой, а знания о Боге, накопленные конкретной конфессиональной традицией. Но если последнее понимание теологии отвечает критериям научности, актуальным становится иной вопрос: в чем в таком случае заключается принципиальное отличие теологии от религиоведения?

Если исходить из посыла, что теология в отличие от религиоведения всегда конкретно конфессиональна¹⁶, есть риск преподнесения теологии как конфессионально объективированного религиоведения. При этом возникает двойное противоречие: невозможность дифференцировать теологию и религиоведение будет дополнительно усугублена зависимостью позиции исследователя от конфессиональных установок, что сохраняет проблему с принципом объективности.

Снятие данного противоречия может быть осуществлено в позиционировании исследователем-теологом парадигмальной принадлежности к исследовательской традиции. Культурная или онтологическая принадлежность к исследуемой конфессии в данном случае должна быть вынесена за рамки дискурса.

Также в контексте поднятой проблематики предмета теологии одним из часто звучащих критических замечаний в адрес теологии является ее выход за предметные пределы собственно богословской проблематики и попытка включить в компендиум теологического знания такие отрасли, как церковная история, религиозное

¹⁵ Шмалий В., свящ. Богословие // Православная энциклопедия. Т. 5. С. 520.

¹⁶ Такой вывод напрашивается из практики разделения специальности 26.00.01 «Теология» на три области исследования (православная теология, исламская теология, иудейская теология) и сохранения деления теологических специальностей по соответствующим исследовательским направлениям в новых паспортах ВАК (см.: Об утверждении номенклатуры научных специальностей...). Таким образом, в российском научном сообществе не мыслится концепт внеконфессиональной теологии.

искусство, религиозная педагогика, религиозная философия, философия религии и т. д., которые не являются собственно теологическими.

В этом смысле продуктивному научно-теологическому дискурсу способствовали бы, с одной стороны, отказ ряда ученых от вульгарно-материалистического понимания предметности исследования, с другой стороны — выработка научно-теологическим сообществом единого понимания предметно-объектных границ теологии как науки.

Третий проблемный вопрос: доказательности или методологии теологии. С научно-материалистической точки зрения в адрес теологии звучит критика, основанная на том, что теология не может быть вписана в контекст науки, так как исходит из изначально бездоказательной идеи существования Бога.

Обратным полемическим аргументом с точки зрения теологического сообщества является тезис о том, что отсутствие существования Бога также не является научно доказанным фактом. Более того, даже яркие представители атеистической мысли, хорошо знакомые с принципами доказательности, вынуждены согласиться, что атеизм в узком смысле (как уверенность в отсутствии Бога) методологически несостоятелен не менее, чем религия¹⁷, а с некоторых позиций (учитывая указанную К. Поппером диспропорцию между доказательством и опровержением)¹⁸ — даже более несостоятелен.

Одновременно с тем принцип нефальсифицируемости самой идеи Бога как научной идеи также может быть предъявлен в качестве критического аргумента в сторону теологии со стороны научного сообщества. Так, Е. С. Элбакян настаивает: «Если говорить о теологии, то она принимает само существование объекта своего изучения исключительно в качестве аксиомы... В случае теологии деаксиоматизация невозможна в принципе, так как в противном случае она отменяла бы само существование теологии как таковой»¹⁹. Однако данное противоречие,

¹⁷ См.: Рассел Б. Я атеист или агностик? // Научно-просветительский журнал «Скепсис». [Электронный ресурс]. URL: http://scepsis.net/library/id_300.html (дата обращения: 15.02.2022). Загл. с экрана.

¹⁸ См.: Поппер К. Логика научного исследования. М., 2010.

¹⁹ Элбакян Е.С. Теология в земных реалиях // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2016. № 1. С. 118–129.

во-первых, может быть снято уточнением предметной области теологии, как уже было показано нами выше. Во-вторых, также следует отметить, что для любой научной парадигмы (а научное сообщество до сегодняшнего дня не отказалось от принципов парадигмальности) характерно наличие «метафизических ожиданий»²⁰, и идея атома в этом отношении ничуть не более фальсифицируема, чем идея Бога.

Однако при этом теология была поставлена в сложное положение в отношении методологии уже первой диссертацией по теологии, автор которой заявил о специфическом научно-теологическом методе, который определяется: «1) специфическими (уникальными) предметом и источником теологического знания; 2) подразумеваемым ими же личностным опытом веры и жизни теолога»²¹. Сложно было более неудачно обосновать специфику теологической методологии для широкой научной общественности, так как принятие во внимание личного опыта исследователя автоматически перечеркивает принцип объективности научного исследования. Таким образом, если теологическое сообщество намеревается вести речь о теологии как о составной части науки в целом, необходимо оставить идею необходимости личного религиозного опыта и признать, что на выводы теолога не должна влиять его персональная религиозная принадлежность.

Также можно отметить, что смешению личной религиозной и богословской позиций способствует нечеткость разграничения религиозного и научно-теологического дискурса²². Одним из факторов возникновения данной проблемы является отсутствие среди общественности четкого понимания: где речь идет о теологическом дискурсе, а где — о трансляции религиозной позиции, в особенности учитывая тот факт, что подавляющее большинство теологов в России являются представителями соответствующих конфессиональных институтов. С другой стороны, сами теологи далеко не всегда стремятся четко разграничивать свой дискурс на строго научно-теологический и ценностно-религиозный и склонны объединять задачи по распространению теологического знания и трансляции религиозных цен-

²⁰ См.: Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.

²¹ Ходзинский П.В., прот. Разрешение проблем русского богословия XVIII века в синтезе святителя Филарета, Митрополита Московского. [Текст]: Дис. ...канд. теологических наук. М., 2017. С. 17.

²² См. подробнее: Демина Д.А. Теологический дискурс как особый тип дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 8 (850). С. 212–224. DOI 10.52070/2542-2197_2021_8_850_212.

ностей, что будет показано нами далее. В контексте же стремления к продуктивному научно-религиозному дискурсу, равноправными членами которого могли бы стать представители других наук, подобное разделение просто необходимо.

Четвертый проблемный вопрос: представление о теологии как гуманитарной науке. Представители теологического сообщества в ответ на критику со стороны естественно-научного сообщества нередко парируют, что поскольку теология является гуманитарной наукой, к ней не следует применять естественно-научные критерии.

Действительно, анализируя активность критиков теологии, мы можем заметить, что «естественники» (в особенности — биологи) гораздо чаще высказываются в адрес теологии критически, нежели исследователи-гуманитарии.

Однако все же следует признать этот аргумент со стороны теологического сообщества крайне слабым. Во-первых, вне зависимости от характера науки критерии доказательности в научном сообществе приняты единые. Во-вторых, следует иметь в виду, что сегодня в науке происходит размывание границ гуманитарных и естественных наук. Об этом свидетельствует появление таких областей, как цифровая гуманитаристика, или когнитивистика (междисциплинарные исследования мозга на стыке нейробиологии, философии, филологии, психологии и др. дисциплин). При существенной разнице методологических подходов плодотворные исследования в данных областях ведутся именно потому, что принципы доказательности остаются едиными.

При этом, даже если отбросить тенденцию размывания границ гуманитарного и негуманитарного научного знания, характерную для последних лет, сама по себе атрибуция теологии в область гуманитарных наук по своему существу спорна. Ряд исследователей отмечает тот факт, что «гуманитарная маркировка теологии в актуальном научном классификаторе — парадокс современности»²³ — уже хотя бы по той причине, что центром теологии по определению должен быть Бог, а не человек. Данный вопрос вновь отсылает нас к проблеме «двух теологий», потому что окончательное его решение

²³ Колесников С.А. Современная теология и современная наука: перспективы сотрудничества // Христианское чтение. 2018. № 5. С. 74.

не представляется возможным до момента однозначного конвенционального утверждения предметных границ теологии как науки.

Еще одним повторяющимся предметом критики являются слабые по сравнению с учеными-естественниками наукометрические показатели исследователей-теологов, что можно отнести и к теологическим изданиям в целом. Хотя слабые формальные показатели той или иной научной области (в сравнении с естественными науками) до определенной степени являются общей проблемой всех гуманитарных наук, теология на сегодняшний день оказывается в «догоняющем» положении даже по отношению к другим гуманитарным наукам: исследователи имеют невысокие формальные показатели — такие, как цитируемость и индекс Хирша, специализированных изданий выпускается мало, вопрос с признанием церковных степеней до сих пор не нашел однозначного решения. Впрочем, данная проблема так или иначе будет решена со временем по мере развития теологии как формальной научной области.

Пятый проблемный вопрос: представление о теологии как источнике нравственности и «прививке от религиозного фундаментализма и мракобесия». Обосновывая необходимость распространения изучения теологии, представители научно-теологического сообщества нередко апеллируют к тому, что теология — прививка от религиозного фундаментализма и мракобесия.

К сожалению, социологические данные свидетельствуют о полной несостоятельности данного аргумента, что, в свою очередь, активно используется как полемический аргумент антирелигиозно настроенными исследователями. Так, А. Ю. Панчин, со ссылкой на социологические исследования 1990–2000-х²⁴ констатирует, что наибольший процент людей, склонных к вере в астрологию, НЛЮ, экстрасенсов и прочую эзотерику встречается именно среди людей, идентифицирующих себя как православных христиан²⁵.

²⁴ См.: Воронцова Л.М., Филатов С.Б., Фурман Д.Е. Религия в современном массовом сознании // Социологические исследования. 1995. № 11. С. 81–91; Синелина Ю.Ю. Воцерковленность и суеверное поведение жителей Ярославской области // СоцИС. 2005. № 3. [Электронный ресурс]. URL: https://www.isras.ru/socis_2005_3.html (дата обращения: 26.06.2022).

²⁵ См.: Пять крестов на могилу теологии: Александр Панчин о том, почему она не может считаться наукой // Indicator. [Электронный ресурс]. URL: <https://indicator.ru/humanitarian-science/tezisy-protiv-teologii-panchin.htm> (дата обращения: 15.01.2022). Загл. с экрана.

Возразить на данный аргумент можно было бы тем фактом, что данные социологических исследований довольно давние — религиозно-социологическая ситуация должна была значительно измениться за последние 15–20 лет. Действительно, хотя в последние годы не проводилось конкретных исследований о связи веры в эзотерические практики и вовлеченностью в традиционные религиозные культы, о существенных изменениях в религиозной динамике свидетельствуют общие исследования, отражающие изменение религиозной ситуации.

Так, последние данные Института социологии РАН по Москве отражают тенденцию роста религиозного (в традиционном смысле) населения до пика в 2014–2015 годах, после чего началось постепенное падение. Одновременно с тем росла доля неверующего населения, но увеличивалась (особенно в 2017–2018 годах) и доля «колеблющихся» или «сомневающихся»²⁶. Принимая во внимание, что данные по Москве с высокой вероятностью должны чуть отличаться в сторону нерелигиозности по социально-демографическим причинам, закономерно предполагать, что в России в целом уровень «сомневающихся» еще выше (впрочем, есть основания полагать, что на фоне пандемии и конфликта на Украине в ближайшие годы российское общество ждет рост религиозности всех типов).

Несмотря на то что аналогичными данными по увлечению эзотерикой и иными формами нетрадиционных религиозных практик за последние годы мы не располагаем, исследователями отмечается, что именно группа «колеблющихся» обычно представлена теми, кого с религиозных позиций корректнее было бы назвать «внеконфессиональными верующими», и именно этот контингент наиболее часто пополняет нетрадиционные религиозные сообщества в последние годы.

Более того, повышение интереса населения России к оккультизму и эзотерике в последний год четко фиксируется на уровне спроса на эзотерическую литературу и продукцию²⁷, что вполне ожидаемо на фоне одновременного падения доверия как к официальной науке,

²⁶ См.: Кублицкая Е.А. Социальные и религиозные ориентации москвичей в условиях пандемии // Вызовы пандемии и стратегическая повестка дня для общества и государства: социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2021 году. М., 2021. С. 407–428.

²⁷ См.: Карма — источник знаний. Продажи книг по эзотерике резко выросли // Коммерсант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5193414> (дата обращения: 15.02.2022). Загл. с экрана.

так и к традиционным религиозным институтам — прежде всего, Русской Православной Церкви. Таким образом, если в 1990-е — начале 2000-х интерес к Православию развивался у людей параллельно с интересом к эзотерике, распространение теологии в высших учебных заведениях хронологически совпало с ситуацией, когда интерес к эзотерике развивается именно по причине падения доверия к Церкви. Впрочем, указанная тенденция, очевидно, связана в большей мере с событиями пандемии и проблематикой религиозно-государственных отношений и вряд ли является следствием повышения уровня религиозной образованности.

Более того, прирост интереса к эзотерике в большей мере обеспечен представителями старшего поколения, в то время как появление теологии в системе высшего образования должно в первую очередь оказать влияние на позицию молодежи. Однако социологические данные в целом свидетельствуют о низком уровне доверия к Церкви и другим официальным религиозным институтам и среди молодежи, а в своих моральных установках современная молодежь реже всего пользуется религиозной мотивацией. Объяснительной причиной в данном случае может служить факт относительно малого охвата теологическим знанием студенческой аудитории и отсутствие исследований, посвященных изучению позиции непосредственно тех учащихся, которые изучали теологию. Подобного рода исследования могут представлять исследовательский интерес в дальнейшем.

Даже если абстрагироваться от социорелигиозной обстановки современности, нельзя не отметить, что обоснование целесообразности теологического образования в высшей школе ценностными установками недопустимо чисто теоретически. Если мы исходим из понимания теологии как науки и придерживаемся вышеуказанного разделения дискурса на строго теологический и общерелигиозный, то трансляция религиозных ценностей в рамках научной теологии недопустима (в противном случае теологическому сообществу придется отказаться от любых притязаний на присутствие в светском образовательном пространстве, что уже было обосновано в первом вопросе).

Таким образом, для построения плодотворного научно-теологического дискурса данный тип аргументации целесообразно отбросить и не использовать в дальнейшем.

Выводы. Говоря о перспективах возможного сотрудничества теологии и других наук в целом, следует еще раз подчеркнуть, что продуктивный диалог может быть налажен только после того, как теология начнет восприниматься в качестве равноправной науки представителями других наук отечественного научного сообщества. Этот факт в определенной степени подтверждается более тесным сотрудничеством теологов с представителями гуманитарных наук (прежде всего — философии, филологии, истории), которые изначально в большей мере открыты по отношению к теологии и нацелены на сотрудничество. Поэтому закономерно, что первым шагом для налаживания продуктивного научного диалога теологов и представителей естественных наук должна стать открытость последних для сотрудничества с теологией.

Другим немаловажным аспектом продуктивного научно-теологического дискурса должно быть соблюдение предметных границ каждой науки. Некорректны и некомпетентны как попытки решить средствами теологии вопросы естественно-научного характера, так и попытки представителей естественных наук выносить суждения, касающиеся теологических вопросов. По этой причине не вполне корректна постановка вопроса об общих вопросах, которые могут исследоваться представителями естественных наук и теологами.

Однако соблюдение предметных границ не означает, что в рамках одной науки нельзя пользоваться результатами другой для решения собственных вопросов. Следует отметить, что теология обращается к результатам изысканий естественных наук гораздо чаще, чем последние — к теологии. И если целесообразность использования фактологии и методов других наук теологами в рамках апологетики или критики до определенной степени очевидна, то, какую пользу могут получить от теологии другие науки, ученым на сегодняшний день не вполне понятно. На наш взгляд, одной из областей применения теологического знания может стать изучение пределов объективности познания. Сегодня этот вопрос решается преимущественно в рамках предметного поля философии, однако не следует забывать, что за многовековую историю богословской полемики теологией также выработан независимый опыт поиска критериев объективности, который, возможно, будет полезен представителям других наук. Другой областью сотрудничества, которая остается существенно недооцененной и практически неисследованной, является взаимодействие теологии с математикой и компьютерными

науками в части поиска новых решений в рамках математической логики. В контексте уже упомянутой многовековой полемики теологическим сообществом была выработана система теологической аргументации с использованием схем неклассической и постклассической логики, и произошло это задолго до того, как в философском обороте появился термин «неклассическая логика». Принимая это во внимание, закономерно предположить, что теологические наработки могут быть полезны и по отношению к современной математической логике. Возможен и поиск других отраслей взаимодействия теологии с другими науками, однако первым шагом такого поиска должно стать преодоление обозначенных противоречий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов, К. М. Теология как научная специальность // Вопросы философии. 2012. Вып. 6. С. 73–85.
2. Боберо, Ж. Светскость: французская исключительность или универсальная ценность? Цит. по: Понкин, И. В. Правовые основы светскости государства и образования. М.: Про-Пресс, 2003. 416 с.
3. Воронцова, Л. М., Филатов С. Б., Фурман Д. Е. Религия в современном массовом сознании // Социологические исследования. 1995. № 11. С. 81–91.
4. Выступление митрополита Волоколамского Илариона во Всероссийской библиотеке иностранной литературы // Патриархия.ru: Официальный сайт Московского Патриархата. 25 апреля 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/2146291.html> (дата обращения: 25.02.2022). Загл. с экрана.
5. Демина, Д. А. Теологический дискурс как особый тип дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 8 (850). С. 212–224. DOI 10.52070/2542-2197_2021_8_850_212.
6. Карма — источник знаний. Продажи книг по эзотерике резко выросли // Коммерсант. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5193414> (дата обращения: 15.02.2022). Загл. с экрана.
7. Колесников, С. А. Современная теология и современная наука: перспективы сотрудничества // Христианское чтение. 2018. № 5. С. 73–84.
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008

- № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 31.10.2020).
9. Кублицкая, Е. А. Социальные и религиозные ориентации москвичей в условиях пандемии // Вызовы пандемии и стратегическая повестка дня для общества и государства: социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2021 году / В. К. Левашов [и др.]; отв. ред. В. К. Левашов, Г. В. Осипов, С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 558 с.
 10. Кун, Т. Структура научных революций / Пер. И. З. Налетова. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
 11. Ларше, Ж.-К. Что такое богословие? // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. 2012. Вып. 3 (41). С. 117–131.
 12. Малахов, В. С., Летняков, Д. Э. Российское государство в профессиональной сфере, или Национальные особенности секуляризма // Мир России. 2019. Т. 28. № 4 С. 49–67. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-4-49-67
 13. Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093; Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24.02.2021 № 118 // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104060043> (дата обращения: 13.04.2022).
 14. Первая публикация письма академиков // Новая газета, приложение «Кентавр». 2007. 22 июля.
 15. Письмо других академиков. Заявление представителей РАН в связи с «письмом десяти» // Интерфакс. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=documents&div=681> (дата обращения: 01.08.2018). Загл. с экрана.
 16. Полохов Д. Н., прот. Об альтернативной атеистической хронологии // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2021. № 15. С. 4–59.
 17. Поппер, К. Логика научного исследования. М.: АТС; Астрель, 2010. 576 с.
 18. Пять крестов на могилу теологии: Александр Панчин о том, почему она не может считаться наукой // Indicator. [Электронный ресурс].

- URL: <https://indicator.ru/humanitarian-science/tezisy-protiv-teologii-ranchin.htm> (дата обращения: 15.01.2022). Загл. с экрана.
19. Рассел, Б. Я атеист или агностик? // Научно-просветительский журнал «Скепсис» [Электронный ресурс]. URL: http://scepis.net/library/id_300.html (дата обращения: 15.02.2022). Загл. с экрана.
 20. Резолюция 1580 (2007) Парламентской Ассамблеи Совета Европы // Здравый смысл. 2008. № 2 (47). [Электронный ресурс]. URL: <https://gazim.ru/humanism/journal/47/resolution.htm> (дата обращения: 15.01.2022). Загл. с экрана.
 21. Синелина, Ю.Ю. Воцерковленность и суеверное поведение жителей Ярославской области // СоцИС. 2005. № 3. [Электронный ресурс]. URL: https://www.isras.ru/socis_2005_3.html (дата обращения: 26.06.2022).
 22. Ходзинский, П.В., прот. Разрешение проблем русского богословия XVIII века в синтезе святителя Филарета, митрополита Московского. [Текст]: дис. ... канд. теологических наук. М., 2017. С. 17.
 23. Шмалий В., свящ. Богословие // Православная энциклопедия. Т. 5. С. 520.
 24. Элбакян, Е.С. Теология в земных реалиях // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2016. № 1. С. 118–129.
 25. Bhargava R. Rehabilitating Secularism. Rethinking Secularism (ed. Calhoun C., Juergensmeyer M., Van Antwerpen J.), Oxford—NY: Oxford University Press, 2011. pp. 92–113.
 26. Killian K. The French Ban on Religious Symbolism in Schools and the Views of Maghreb Women on Wearing Hijabs. Цит. по: Малахов, В.С., Летняков, Д.Э. Российское государство в конфессиональной сфере, или Национальные особенности секуляризма // Мир России. 2019. Т. 28. № 4. С. 51. DOI: 10.17323/1811–038X-2019–28–4-49–67
 27. Taylor C., Maclure J. Printsipy sekulyarizma [Principles of Secularism]. Neprikosnovennyj zapas, 2013, no 4 (90). [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2013/4/9m-pr.html#_ftnref4 (дата обращения 25.02.2022).

*Статья поступила в редакцию 18.04.2022,
одобрена после рецензирования 12.05.2022,
принята к публикации 30.05.2022.*

Article

UDC 378.014.52(470+571)

For citation: Shturbabin S., archpriest, Orlov M., Petrova K. *Teologicheskoye znaniye v svetskom obrazovatel'nom prostranstve: problemy i puti razvitiya dialoga. [Theological knowledge in the secular educational space: problems and ways of dialogue development] // Trudy Saratovskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii. [Proceedings of the Saratov Orthodox Theological Seminary]. 2022. No 2 (17). pp. 59–80.*

DOI: 10.56621/27825884_2022_17_59

Archpriest Sergei Shturbabin,

Candidate of Theology,

Senior Lecturer, Department of Church History,

Senior Lecturer, Department of Theology,

rector, Saratov Orthodox Theological Seminary,

92 Michurina str., Saratov, 410028, Russian

Federation

rectorsarpsds@yandex.ru

Mikhail Orlov,

Doctor of Philosophy, Associate Professor,

Senior Lecturer, Department of Theology,

Saratov Orthodox Theological Seminary,

92 Michurina str., Saratov, 410028, Russian

Federation

Head of the Department of Theology and Reli-

gious Studies,

Dean of the Faculty of Philosophy,

Saratov State University

10A Volskaya str., Saratov, 410028, Russian

Federation

orok-saratov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7312-5881

Kristina Petrova,

Junior researcher,

Lecturer, Department of Theology,

Saratov Orthodox Theological Seminary,

92 Michurina str., Saratov, 410028, Russian

Federation

petra-velikaya@ya.ru

ORCID: 0000-0003-4529-6709

Theological knowledge in the secular educational space: problems and ways of dialogue development

Archpriest S. SHTURBABIN, M. ORLOV, K. PETROVA

Abstract: This study is devoted to the search and analysis of the main contradictions between representatives of theological knowledge and those representatives of the modern Russian scientific community who consider the presence of theology in the domestic scientific and educational space unacceptable. The authors identify five main problematic issues (the question of understanding the "secularity" of the scientific and educational space, the question of the subject of theology, the question of the methods of theology, the question of the

humanitarian nature of theology and the question of the purpose of theology), and propose ways to resolve the identified contradictions that can contribute to establishing productive communication between theologians and other representatives of the scientific community.

Keywords: theology, religion, secular society, freedom of conscience, discursive practices.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR according to the research project №21-011-44127 "Interaction of secular and religious worldview as a theological problem: social risks, challenges of digitalization and foundations of civil dialogue".

REFERENCES

1. Antonov K.M. (2012) "Teologiya kak nauchnaya spetsial'nost'" [Theology as a scientific specialty] // "Voprosy filosofii" [Questions of Philosophy]. Issue. 6. pp. 73–85 (in Russian).
2. Bhargava R. (2011) Rehabilitating Secularism. Rethinking Secularism (ed. Calhoun C., Juergensmeyer M., Van Antwerpen J.), Oxford–NY. pp. 92–113 (in English).
3. Bobero J. "Svetskost': frantsuzskaya isklyuchitel'nost' ili universal'naya tsennost'?" [Secularity: French exceptionalism or universal value?] // "Nauchnyy ateizm" [Scientific atheism]. Available at: http://www.atheism.ru/library/Bobero_1.phtml (14/04/2022) (in Russian).
4. Demina D.A. (2021) "Teologicheskiy diskurs kak osobyy tip diskursa" [Theological discourse as a special type of discourse] // "Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki" [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences]. No. 8(850). pp. 212–224. DOI 10.52070/2542-2197_2021_8_850_212 (in Russian).
5. Elbakyan E.S. (2016) "Teologiya v zemnykh realiyakh" [Theology in earthly realities] // "Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina" [Bulletin of the Leningrad State University. A.S. Pushkin]. No. 1. pp. 118–129 (in Russian).
6. Khodzinsky P.V. (2017) "Razresheniye problem russkogo bogosloviya XVIII veka v sinteze svyatitelya Filareta, Mitropolita Moskovskogo" [Resolution of the problems of Russian theology of the 18th century in the synthesis of St. Philaret, Metropolitan of Moscow]. Moscow (in Russian).
7. Killian K. (2005) The French Ban on Religious Symbolism in Schools and the Views of Maghreb Women on Wearing Hijabs (in English).

8. Kolesnikov S.A. (2018) "Sovremennaya teologiya i sovremennaya nauka: perspektivy sotrudnichestva" [Modern Theology and Modern Science: Prospects for Cooperation] // "Khristianskoye chteniye" [Christian Reading]. No. 5. pp. 73–84 (in Russian).
9. Kublitskaya E.A. (2021) "Sotsial'nyye i religioznyye oriyentatsii moskvicey v usloviyakh pandemii" [Social and religious orientations of Muscovites in the context of a pandemic] // "Vyzovy pandemii i strategicheskaya povestka dnya obshchestva i gosudarstva: sotsial'no-politicheskoye polozheniye i demograficheskaya situatsiya v 2021 godu" [Challenges of a pandemic and a strategic agenda for society and the state: socio-political situation and demographic situation in 2021]. Moscow (in Russian).
10. Kuhn T. (1977) "Struktura nauchnykh revolyutsiy" [The structure of scientific revolutions]. Moscow (in Russian).
11. Larcher J.-C. (2012) "Chto takoye bogosloviye?" [What is Theology?] // "Vestnik PSTGU. Seriya I: Bogosloviye. Filosofiya" [Vestnik PSTGU. Series I: Theology. Philosophy]. Issue. 3(41). pp. 117–131 (in Russian).
12. Malakhov V.S., Letnyakov D.E. (2019) "Rossiyskoye gosudarstvo v konfessional'noy sfere, ili natsional'nyye osobennosti sekulyarizma" [The Russian State in the Confessional Sphere, or National Peculiarities of Secularism] // "Mir Rossii" [World of Russia]. Vol. 28. No. 4 pp. 49–67. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-4-49-67 (in Russian).
13. Polokhov D.N. (2021) "Ob al'ternativnoy ateisticheskoy khronologii" [On alternative atheistic chronology] // "Trudy Saratovskoy Pravoslavnoy Dukhovnoy seminarii" [Proceedings of the Saratov Orthodox Theological Seminary]. No. 15. pp. 4–59 (in Russian).
14. Ponkin I.V. (2003) "Pravovyye osnovy svetskosti gosudarstva i obrazovaniya" [Legal foundations of the secular state and education]. Moscow (in Russian).
15. Popper K. (2010) "Logika nauchnogo issledovaniya" [The logic of scientific research]. Moscow (in Russian).
16. Russell B. "YA ateist ili agnostik?" [Am I an atheist or an agnostic?]. Available at: http://sceptis.net/library/id_300.html (2/15/2022) (in Russian).
17. Shmaliy V. (2009). "Bogosloviye" [Theology] // "Pravoslavnaya entsiklopediya" [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 5. P. 520 (in Russian).
18. Sinelina Yu.Yu. (2005) "Votserkovlenost' i suyevernoye povedeniye zhiteley Yaroslavskoy oblasti" [Churchness and superstitious behavior of the residents of the Yaroslavl region] // "Issledovaniye Sotsiologiya religii" [Research Sociology of Religion]. Available at: <http://>

ecsocman.hse.ru/data/612/876/1216/013_Sotsiologiya_religii.pdf (15/02/2022) (in Russian).

19. Taylor C., Maclure J. (2013) Printsipy sekulyarizma [Principles of Secularism]. Neprikosnovennyj zapas, no 4 (90). Available at: http://magazines.russ.ru/nz/2013/4/9m-pr.html#_ftnref4 (25/02/2022) (in English).
20. Vorontsova L.M., Filatov S.B., Furman D.E. (1995) "Religiya v sovremennom massovom soznanii" [Religion in modern mass consciousness] // "Sotsiologicheskiye issledovaniya" [Sociological research]. No. 11. pp. 81–91 (in Russian).

*The article was submitted 18.04.2022,
approved after reviewing 12.05.2022,
accepted for publication 30.05.2022.*